

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

ЖУРНАЛ

№ 5–6
2021

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Коллектив авторов
Российский колокол №5-6 2021
Серия «Журнал «Российский колокол»»
Серия «Журнал «Российский
колокол» 2021», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66727946

Российский колокол. Ежеквартальный журнал художественной литературы. № 5–6 (32) 2021 г: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2021

ISBN 978-5-907451-48-3

Аннотация

Приходит лето, дарит длинные солнечные дни и зовёт в путешествие не только по белу свету, по интересным местам, но и по книжным страницам. Новый выпуск «Российского колокола» — это подходящий маршрут для ценителя хорошей литературы.

Однако путешествия — это не только впечатления, но и встречи, причём как с новыми людьми, так и с теми, кто хорошо нам знаком, ведь мир, по большому счёту, тесен.

Свежий номер нашего журнала — тоже в некотором смысле место встреч со старыми знакомыми. Мы по-прежнему, следуя старой доброй традиции периодической печати, представляем читателям «повести с продолжением». Книги,

ранее оборвавшиеся на самом интересном месте, снова вовлекают читателя в круговорот событий и чувств, чтобы через некоторое время поставить красивую точку или изящное многоточие...

...Счастливого пути, дорогие читатели! И пусть этот выпуск журнала подарит как можно больше приятных встреч и событий.

Содержание

Слово редактора	7
Современная поэзия	10
Саша Ирбе	11
Старик и мальчик	13
А любовь – это, знаешь, не просто смотреть в облака	15
«Живу теперь бездельницей...»	16
Севастополь-2020	17
Чудо	19
Окно	21
Отец и сын	22
«И время не лечит, и солнце не сушит...»	23
Андрей Расторгуев	25
«Ганина яма – шахта под Екатеринбургом...»	27
«Поменяла весна времена и цвета...»	28
«Где клонится да коренится...»	29
«Всё как положено: построишь дом...»	30
«Душа усомнится: надо ли?...»	31
«Хождение по вода́м...»	32
«Охоте противостоя к перемене лиц...»	34
«От щедрого ливня и ветра...»	34
«До настоящего романа...»	36

«При нехватке идей...»	36
«Случилось так, а не из пущей жажды...»	37
«Путешествия вроде премии...»	38
Наталья Чекер	40
Яшкина азбука	42
Голоса провинции	51
Татьяна Таран	52
Девятый форт	54
Литературоведение	69
Станислав Куняев	70
Рубцов и Бродский	72
I	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Российский колокол.

№ 5–6 (32) 2021 г

Ежеквартальный журнал художественной литературы

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Слово редактора

Андрей Ложкин

шеф-редактор журнала «Российский колокол»

Приходит лето, дарит длинные солнечные дни и зовёт в путешествие не только по белу свету, по интересным местам, но и по книжным страницам. Новый выпуск «Российского колокола» – это подходящий маршрут для ценителя хорошей литературы.

Однако путешествия – это не только впечатления, но и встречи, причём как с новыми людьми, так и с теми, кто хорошо нам знаком, ведь мир, по большому счёту, тесен.

Свежий номер нашего журнала – тоже в некотором смысле место встреч со старыми знакомыми. Мы по-прежнему, следуя старой доброй традиции периодической печати, представляем читателям «повести с продолжением». Книги, ранее оборвавшиеся на самом интересном месте, снова вовлекают читателя в круговорот событий и чувств, чтобы через некоторое время поставить красивую точку или изящное многоточие.

Но, кроме того, на страницах этого номера найдётся немало имён, ставших знаковыми для прошлых лет и современности, причём не только в качестве объектов критики и литературного исследования, но и как авторов. Нестандартная точка зрения не требует обязательного согласия. Скорее она предлагает обдумать её и определить своё мнение – от сов-

падающего до противоположного. Или даже поспорить с автором, хотя бы мысленно, но можно и вслух, современные достижения техники это вполне позволяют. На страницах «Российского колокола» запечатлена такая дискуссия – не всегда сдержанная, но от этого ещё более интересная.

И всё же не стоит обращаться исключительно к знакомому и привычному, пусть даже рассматривая его в новом свете. Путешествие на то и путешествие, чтобы сделать шаг к неизведанному. «Российский колокол» поможет и в этом. Под его обложкой – незнакомые дороги и новые люди, доселе неведомые, не существовавшие прежде места. Очень разные, такие, что можно будет и душой отдохнуть, и умом потрудиться, и с детьми время провести.

Счастливого пути, дорогие читатели! И пусть этот выпуск журнала подарит как можно больше приятных встреч и событий.

Современная поэзия

Современная поэзия

Саша Ирбе

Поэт, экспериментальный режиссёр, автор многих поэти-

ческих концертов, спектаклей, литературных экскурсий, выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинар И. Волгина). Подборки стихов выходили в журналах «Юность», «Кольцо А», «Московский вестник», «Литературная учёба», «Волга – XXI век», «Балтика», «Москва», «Наш современник»...

Автор пяти поэтических книг.

Стипендиат «Года литературы – 2015», лауреат конкурса «Золотой микрофон», победитель конкурса «Лучшее стихотворение года – 2004», обладатель Гран-при XXIX Всероссийского фестиваля памяти Ю. Визбора «Горные вершины», лауреат журнала «Балтика» (в номинации «Поэзия» за 2018 г.).

Творческие вечера и спектакли проходят в Центральном доме журналиста, Центральном доме учёных РАН, музее М. И. Цветаевой и на других площадках Москвы.

Старик и мальчик

Здесь скудное пространство для стихов.
Вокзал... перрон... в Москву уносит поезд.
Среди метелей, рельсов и снегов
бредут вдвоём – мои душа и совесть —

старик и мальчик – мальчик и старик,
чуть шевеля замёрзшими губами.

И мальчик тихо к бабушке приник,
так, как всегда мечтал приникнуть к маме.

Уехал поезд... (Это не из книг...)
Бредут, плечом друг друга подпирая,
старик и мальчик – мальчик и старик.
А белый снег, над станцией витая,
один запечатляет этот миг.

Промчатся годы – мальчик подрастёт,
и бабушка сойдёт к себе в могилу.
И только та, что ехала, поймёт,
что не вернёт всего того, что было.

И будут вновь над станцией снега,
и поезда нестись по свету будут
через снега в Москву и на юга,
от скудных дней к свершениям и к чуду.

Старик и мальчик – мальчик и старик;
так беззащитны, так невозвратимы...
Сюжет из личной жизни – не из книг,
но мной они по-прежнему любимы.

Не в силах время сдвинуть человек:
и деда нет, и мальчик тот – мужчина,
но та картина, что заметил снег,
она во мне живёт, неотвратимо.

Живёт – как куст, пускает поздний цвет.
С годами лишь растёт – не убывает.
Как часто то, чего в помине нет,
для нас теперь всех памятней бывает.

А любовь – это, знаешь, не просто смотреть в облака

А любовь – это, знаешь, не просто смотреть в облака,
вместе чай разливать и на кухне готовить картошку —
это общие горы и реки, пространства, века,
общий замок и скит... А случится такое – сторожка.

Я не буду винить... И прости, но бессильны слова.
Не единое ложе, не общее время влечения —
есть любовь... Это общий апрель, и цветы, и трава,
это общее солнце и – если случится – затмение.

Я не буду винить... Но давно не поют соловьи...
Слишком много дорог, что разводят нас вкривь в
одночасье.
Слишком много разлук и, увы, слишком мало любви,
что равняется слову – простому, обычному – «счастье».

Или вовсе останься... А если на миг, уходи.
Слишком суетна жизнь... В ней и так всё и хрупко, и

тленно.

Я желаю жить тем, что равняется свету в груди.

И не в бытом и тленом — а в сердце творимой вселенной.

«Живу теперь бездельницей...»

Живу теперь бездельницей

в остатках сказки-дня.

Самой давно не верится

в путёвую меня.

Промчались годы искрами.

Как не было... Покой...

Не модная, не быстрая —

я сделалась рекой

многоручейной, маленькой,

укрывшейся в лесу.

Когда гремят проталины,

я радости несу.

Когда же дни лучистые,

питаю корни древ;

с лягушками и птицами

гутарю нараспев.

И только редкий, пристальный,

бродящий по лесам
художник скажет: «Истинно!..
Я так живу и сам...»

Легко земли касается
та самая река.
А сказка не кончается,
течёт, журчит слегка.

Севастополь-2020

Зачем была та страшная война?
Чтоб внуки продавали ордена,
штаны ремнём старинным подпирая,
стояли на краю, а не у края,
дедóв припоминая имена.

– Мой – брал Берлин... За этого Орла
хотя бы пять!..
– Медаль за Севастополь!..
Дед – Марк Михалыч!.. Во война была!..
Мадам, купи!.. Ты зенками не хлопай!

Стою, смотрю, не знаю, что сказать.
Сыны Отчизны!.. Спорят, матерятся,
кто и на что сумел наторговать.
Аллея Славы!.. Стоит ли теряться?!

Идёт за рюмку дедово добро,
на хлеб, а что получше – на квартплату.
Как будто с треском вынули нутро
со дна могил, заброшенных когда-то.

Как будто бы залезли на чердак,
где в детстве, может, даже не бывали.
На барахолку, душу сжав в кулак,
снесли сегодня всё, что отыскиали.

Кто на газету, кто и на бетон
кладут медали, фляжки, чашки, блюда,
почтовый ящик (он из тех времён),
на нём – звезда, а продавцы смеются.

Хохочущим, им даже невдомёк,
как много раньше в нём бывало боли.
Шли похоронки, не жалея ног,
и письма шли о радости и горе.

– Газета «Правда», сорок пятый год.
Пятьсот рублей! Дешевле, мать, не станет!
Стоят сыны Отечества – народ.
Наглы и злы. И память их не ранит.

Я понимаю, если б их спросить:
– За что трофеи дедовы на водку?
Они б тотчас сумели возразить,

что пуст живот и жажда режет глотку,

что без работы всё, что есть, продашь!

А где её сыскать теперь, работу?!

– Ты, барышня, хоть, может, сотку дашь
за орден, что вручён военным флотом?

Стою... смотрю... Что можно им сказать?!

Героев Севастополя потомки

себя самих не в силах обуздать;

грубы, бедны, отчаянны и ломки!

Но слава богу, если с тех небес,

где все, кто за Победу в сорок пятом

шёл на войну, на бойню и на крест,

не видят этих новеньких солдат.

Чудо

У неё глаза в печали,

сумки две по двум бокам.

Она плакала ночами,

тосковала по рукам,

по губам чужим, ненужным...

Дело было к сорока,

и никто не стал ей мужем

и любимым на века.

На трамвайной остановке
вышло чудо – вышел Он.
Посмотрел... сказал неловко:
– Я, признаться, удивлён:

как же вы баулы эти
сами можете таскать?!

– Надо ж жить на белом свете!
Счастье нечего искать!

Он, схватив её котомки,
до порога проводил,
приобняв, сказал негромко:
– Знайте: я вас полюбил!

– Разве вы один на свете?
– Да!... Представьте!... Я один!
– А жена была?.. А дети?..
– Раньше не было причин!

...Улыбнулись, посмеялись!
Вместе счастливо живут.
И ни разу не ругались,
и вина они не пьют.

И работают исправно,
а ещё (важней всего)

он – её любимый главный,
она – милая его.

И семью они создали
так, что миру не разбить.
Они так друг друга ждали,
что лишь вместе смогут быть.

Окно

Одно окно... Одно окно горит...
Моё окно горит и звуки множит.
О чём оно любимым говорит?
О чём оно сказать уже не сможет?

Мне хорошо, когда вокруг молчат:
в молчании и тайны, и приметы...
Бывает только грустно по ночам,
но я теперь не думаю об этом.

Горит окно!.. Горит моё окно!..
На целый мир, казалось бы, едино.
Мой свет горит – пускай вокруг темно,
мой свет горит – легко, неотвратимо.

Отец и сын

Отец болеет, значит, болен сын.
А сын болеет – и отец в несчастье.
И разный путь – а путь у них один;
и оттого не стоит разлучать их.

Отец и сын – кармическая связь!
И разве может в мире быть иначе?!
Один из них пытается упасть —
другой внезапной паникой охвачен.

У них сильнее линия родства,
чем их разлука или разобщенье.
В крови отца и сына есть прощенье,
лишь стоит им увидеться едва.

До этого, отца не помня, сын,
о том не зная, за него болеет.
Отец смеётся – сын смеётся с ним.
Сын влюбится – отец стократ полнее

почувствует и лёгкость, и печаль,
восторг и силы, в день войдёт иначе.
На них одна небесная печать.
И оттого не надо разлучать их.

Отец и сын счастливей и сильней,
когда они друг друга в мире держат.
А женщина?... А что сказать о ней?..
Она – земля двух океанов между.

«И время не лечит, и солнце не сушит...»

И время не лечит, и солнце не сушит
открытые раны усталой души
(не верит, что будет когда-нибудь лучше,
что снова на свете захочется жить).

Пытаюсь уйти из порочного круга
отчаяний, страхов, раздумий, обид.
А сердцу неистово хочется друга,
а сердце за близких всё больше болит.

Нас так разметало, что некуда деться.
Куда ни приедешь – всё пламя да ров.
И плачет в груди беспокойное сердце...
И дух мой печален... И взгляд нездоров.

А грянет пора, чтоб навек разлучиться.
...Но даже теперь: когда можно сказать
всё то, что хотелось, – при встрече молчит;
и прежние нити уже не связать.

Расходятся люди, как брызги над бездной.
Расходятся люди, тревоги неся.
И что ни придумывай – всё бесполезно!
И прошлое в мире исправить нельзя.

Как крылья, которые с ходу разбили,
как жизнь, что неожиданно пошла под откос,
так мир разметал моих самых любимых
и самых родимых по свету разнёс

в такие теперь неприступные дали,
где жизни иные и – как ни пиши —
другие у близких заботы, печали,
желанья и страхи, и дней виражи.

И больше не встретиться – больше не будет,
чтоб с прежней и лёгкостью, и простотой.
Как волны по миру разносятся люди.
И каждый – один за заветной чертой.

От правды небес в этом мире не деться.
И каждому в срок и цвести и гореть.
...Но чудо – встречаются сердце и сердце,
чтоб счастьем друг друга в пути обогреть.

2019–2020

Андрей Расторгуев

Андрей Петрович Расторгуев (1964 г. р.) – поэт, перевод-

чик, публицист, член Союза писателей России. Кандидат исторических наук.

Автор книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии имени Бажова и ряда других литературных наград.

Живёт в Екатеринбурге.

«Ганина яма – шахта под Екатеринбургом...»

*Ганина яма – шахта под Екатеринбургом,
где вначале были спрятаны тела
расстрелянных членов семьи Романовых.*

В яму натекли потоки снега,
календарь смыкает времена.
За кресты заякорилось небо,
чтобы глубже не ушла страна.

Так совпало – или не совпало?
Поп крестил – народ приговорил:
на земле из камня и металла
Ганей прозывался Гавриил.

Промышлял – не рыл другому яму,

духом не архангел, но горняк.
Золото отыскивал упрямо,
а нашёл – кровавый железняк.

Меру ли отчаянно превысил
или мстью за благую весть?..
Мистика простых имён и чисел,
лотерея неслучайных мест.

Лёгок снег – сердца тяжеловаты,
не смягчатся жертвою пока...
Свежих облаков аэростаты
раздувают белые бока.

«Поменяла весна времена и цвета...»

Поменяла весна времена и цвета —
молодая листва на просвет золота:
невесомую дымку едва окропил
осторожную прозеленью хлорофилл.

Да не долгую пору она молода,
а покуда черёмуховые холода,
и ладони живой чешуи листовой
над землёю древесною и кустовой
непрерывно сомкнутся ступенью
между яростным светом и тенью.

Ибо всё в равномерном пути бытия
обращается снова на круги своя,
но — всегда в кулачке зажимая
лоскуток золотистого мая.

«Где клонится да коренится...»

Где клонится да коренится
поубавившийся народ,
речка Белая Холуница
земляные породы трёт.

Речка Чёрная Холуница
моет корни невдалеке...
Всё двоится, чтоб сохраниться
на песке и на языке.

И, названиями не обманывая,
мимолётные с высоты,
затекают с Большою Малая
речки Белые под мосты...

Имена только да навеяло —
не убавилось от потерь:
всея Малыя и Белыя —
и Великия по теперь...

«Всё как положено: построишь дом...»

Всё как положено: построишь дом
и дерево посадишь под окном —
была б земля, а яблонь насажаем...
Но где не властна трепетная плоть
и всем распоряжается Господь,
он может промахнуться с урожаем —
не яблочно-вишнёво-травяным,
а плотным, ощутимым, кровавым...

Не сыновей, так дочек нарожаем —
всё, кажется, одно... Да не одно,
уже давным-давно заведено:
мальчишек ждём, девчонок — провожаем.

А любим всех — без голоса, на слух,
как стадо подопечное пастух:
чуть прозеваешь — канут в буераке...
Но отпускать — единое терзать,
от сердца пуповину отгрызать,
завидуя балованной собаке.

«Душа усомнится: надо ли?..»

Душа усомнится: надо ли?
Да спросишь кого – беда:
Алатырь ему, Анадырь ли —
неведомые города...

Когда в золотистом облаке
восходит осенний свет,
в Алатыре спеют яблоки —
в Анадыре сеет снег.
Пока вороха крылатые
подымутся на юга
и заморосит в Алатыре —
уже занесло в Анадыре
порошею берега...

Обычные, нестоличные,
как в борозды семена,
разбросаны пограничные
в различные времена
да оба молвой неброскою
по рекам наречены:
один – над равниной Русскою,
другой – у морской волны.

Бревенчатыми острогами,

стенáми монастырей
страна полегла дорогами
сквозь марева до морей.
Равны, да неодинаковы,
прочны, да не кирпичи...
Анадырь – что на Анадыре.
Алатырь – что на Алатыре...
Прислушайся, различи.

«Хождение по вода́м...»

Хождение по вода́м —
как будто по проводам:
лишь затвердевая льдом,
противятся посоху.
Но ежели по мосткам,
морёным тугим доска́м,
уложенным над песком —
воистину посуху.

Упрямоходящим приз —
пронзающий море пирс:
пожалуйста – обопрись
и переступи границу.
Хотя не тверда вода —
не запечатлит следа,
в том невелика беда —

на памяти сохранится...

Что утром на сквозняке
при чутошном поплавке,
с бельём ли, накоротке
сполоснутом в холодину,
да с цыпками на руке,
что в Сопоте-городке
или Санта-Монике —
смыкаются воедино.

И самый зыбучий пирсик
земной прибавляет пирсинг,
цепляя собой прибой,
как проволочной скобой...

Булавкою просквозит —
и мир переобразит
в диковинный композит,
слоёный и многоликий:
и местные исподтишка
поодаль от бережка
забрасывают на окушка
во Тихий или Великий.

И, может быть, у окна
пространства и времена
надёжно ещё одна
удерживает зацепка —

оправдана в языке,
по счастью, не в языке,
а в дочерином пупке
серебряная скрепка...

«Охоте противостоя к перемене лиц...»

Охоте противостоя к перемене лиц,
сверяя настройку, оплачивая неустойку,
мы прожили тридцать лет, ненося колец, —
и, если даст Бог, нас хватит ещё на столько.

Любовь переменна, как пламя и облака:
едва увлекусь, на стройных молодок пляясь, —
надёжного поводка или ободка
мучительно требует мой безымянный палец.

И не от добра опасаясь найти добра,
а чуя фантомной боли живое жженье
откуда-то с глубины тринадцатого ребра,
истраченного на твоё перевоплощение...

«От щедрого ливня и ветра...»

От щедрого ливня и ветра,

привычных к ночному труду,
пионов тяжёлые ядра
упали в густую траву.

Но солнечный ливень ответный
сквозит из балконных окон,
как будто погром несусветный
привиделся сквозь полусон,
и электроточную будку
пометить калёным тавром
не целили молнии будто,
железо дробя над двором,
и, в лёгком сплетясь одеяле
на простынях чистого льна,
чудесное нечто проспали
мы, не отряхнув полусна,
и в полусомкнутые веки
ещё не известную часть
в природе или человеке
опять опоздали прочесть...

Но выше прохладных резонов,
что, плотью живой горячи,
как тонкие стебли пионов,
мы не устояли в ночи.

«До настоящего романа...»

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездонный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая – помяните,
во испытание уму
кровят оборванные нити,
сбравшиеся в бахрому, —
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.

«При нехватке идей...»

При нехватке идей
и перепроизводстве того,
кто рифмуется здесь,

миру надо не очень-то много
разумных людей,
так что ум – не причина
рассчитывать на снисхождение...
Телом и языком
с неременной оглядкой владей.
А земля без затей
проживёт вообще без людей.
Жалко, некому станет
водить под уздцы лошадей
и собак обнимать,
обретая отдушину сердцу...
Упираясь на ней,
до последнего не холодей.

«Случилось так, а не из пущей жажды...»

Случилось так, а не из пущей жажды:
я Нику и Джоконду видел дважды.
У славы Леонардовой столпа
стояла непролазная толпа...

Загадочная Мона Лизавета
бронестеклом добавочно одета,
чтоб местный или пришлый новожил

к ней тоже топора не приложил —
здесь вообще наш северный Париж
неволею припомнишь и сравнишь.

Зато, хотя безрука и безлика,
летит во мне стремительная Ника —
ликует над форштевнем корабля,
единою чертой не шевеля...

Здесь тоже люди многие встают.
Да головы держаться устают.

«Путешествия вроде премии...»

Путешествия вроде премии —
жалко, если наперечёт...
В параллельном пространстве-времени
поперечная жизнь течёт.

Глубиною той поперечины,
путешественника блазня,
молодые проходят женщины,
что всё менее про меня.

Мне их юность не унести в горсти,
но и разумом не разнять,
хочет сердце набраться нежности

или, наоборот, раздать.

Наталья Чекер

Родилась 30 декабря 1973 г. в г. Антраците Луганской области (ныне ЛНР).

С 1980 г. проживает в г. Луганске. В 1995 г. окончила строительный факультет Луганского государственного аграрного университета; в 2005 г. – магистратуру по специальности «Менеджмент организаций». В 2013 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема творчества в философии Н. А. Бердяева». Кандидат философских наук, доцент. Доцент кафедры философии Луганского государственного аграрного университета.

Автор работ, посвящённых русской религиозной философии Серебряного века, философскому осмыслению творчества О. Мандельштама, С. Кьеркегора, А. Ф. Лосева.

Член Союза писателей ЛНР. Печаталась в альманахе «Крылья» (СП ЛНР). Поэт, переводчик с английского языка (поэзия нонсенса, сонеты Шекспира), эссеист.

Яшкина азбука

*Моим племянникам – Яше и Матвею и братьям
– Ярославу и Ивану*

А – Азбука

Попросила Аня маму:
«Завтра утром встанем рано,
Будем “Азбуку” читать,
Буквы будем рисовать!»

Б – Бегемот

Бармалей, и Бармаглот,
И большущий бегемот,
На беду, весь квас попили
И стаканчики разбили.

В – Воробей

У воробья болит крыло,
Воробью крыло село.
Валькин папа пусть полечит
В ветлечебнице его!

Г – Галка

Галка гавкала на ветке,
В точности как пёс соседский.
Все во все глаза глядели,
Только кот сказал: «Не верю!»

Д – Дождик

Дождик, дождик, дин-дон-дон!
В огороде гусь с зонтом!
Нет, такого не бывает:
Под дождём гусь не гуляет!

Е – Ежевика

Ела Вика ежевику,
И малину, и клубнику.
Всё испробовав, теперь
Вика кормит двух ежей.

Ё – Ёжик

«Ёжик будет нашей ёлкой,
У него же есть иголки! —
Крикнул радостно Андрей. —
Наряжай его скорей!»

Ж – Жаба

Муха с Жучкою жужжала.
Жучка муху задержала,
Пока жаба не вбежала:
Прыг-жиг-жиг – и мухи нет!

З – Забор

На заборе кот зелёный —
Зинка намалякала!
И трава вся под забором
Зинкой закалякана!

И – Ирис

Есть цветок такой, в честь Ирки,
Ирис называется.
Ирке, чур, не говорите,
А то вконец зазнается!

Й – Йогурт

Ёпсель-мопсель! Мишка-кот
Снова Яшкин йогурт пьёт!
Пусть теперь кошачий йогурт
Мама Яше отдаёт!

К – Кораблик

На кораблике по лужам

Плыл моряк, слегка простужен.
«Кхе-кхе-кхе, – сказал моряк, —
Разве можно плавать так?»

Л – Лев

Любит маленький Матвей
Льва-царя и всех зверей,
Но мамулечку, конечно,
Любит Мотя всех сильнее.

М – Дочки-матери

Раз, два, три, четыре, шесть!
Красит мама кошке шерсть.
До чего ж она упряма,
Эта маленькая мама!

Н – Носорог

Носит папа-носорог
На носу огромный рог.
С носорогом не шутите,
Манной кашей не кормите!

О – Ослик

Ослик нюхал одуванчик,
Ослика увидел мальчик:

«Мам, смотри, какие ушки!
Любит ослик сказки слушать?»

П – Попугай

Попугай по телефону
Пародировал ворону.
Папа отнял телефон —
Попугай был возмущён.

Р – Рыбы

«Почему речные рыбы
Не хотят со мной попрыгать?» —
Удивлялся рыжий пёс,
Потирая лапой нос.

С – Снежинки

Ангелы за облаками
Ели плюшки с крендельками.
С облаков снежинки-крошки
Сыпались на лобик кошке.

Т – Тигрёнок

Тишка – плюшевый тигрёнок,
Он ещё совсем ребёнок,
Но рычит как настоящий.

Таня плачет – Тане страшно.

У-Удод

Удивительный удод
Рассмешил честной народ.
Только самому удоу
Не смешно, а неудобно.

Ф – Фыр

«Что такое фу-ты ну-ты,
Фу-ты ну-ты, ножки гнуты?» —
Фёдор задал псу вопрос.
Но смущённо фыркнул пёс.

Х – Хорёк

Харитон зовут хорька,
Сам хорёк – на букву «ха»,
И на ту же букву имя
У хорошего зверька.

Ц – Цуцик + Цыплёнок

«Цуцик рядышком с цыплёнком —
Это целых два ребёнка!» —
Рассуждала Катерина,
Сидя с дедушкой в гостиной.

Ч – Читатель

Ваня спорил с Ярославом —
Кто читатель лучший самый:
«Я уже прочёл “Букварь”!
Ты теперь мне почитай!»

Ш – Шарфик

Новый шарфик у Егорки,
Наш Егор пойдёт на горку:
В тёплой шубке и ушанке
Полетит с горы на санках.

Щ – Щука

Защемило щуке хвост,
Щука подняла вопрос:
«Как теперь я буду плавать,
Как я буду щучкам мамой?»

Ъ (смотри в конце азбуки, вместе с Ъ)

Ы – Дырявое корыто

«Ы! – сказала буква “Ы”. —
Ызнываю от жары,

А дырявое корыто
Почему-то без воды!»

Ь (смотри в конце азбуки, вместе с Ъ)

Э – Эму

Повстречав однажды эму
В зоопарке, эрудит
Вмиг спросил, какую тему
Эму хочет обсудить.

Ю – Юстэс Кларенс Вред

«Юстэс вредным был мальчишкой,
И о нём писали в книжке.
Мам, ну что ж это такое —
Книжки нет про нас с тобою?!»

Я – Як

Яша яка рисовал.
Як позировать не стал.
«Я считаю, он красивый!» – Яша маме объяснял.

Ъ и Ъ

Странный сон приснился мне:

Тополь топал в этом сне,
Кроль украл кораллы Клары —
Разъезжал он на «фerrари»;
А в кустах сидели две,
Молчаливых буквы две (Ъ, Ъ) —
Они даже не мычали
И Кроля не замечали!

Голоса провинции

Голоса провинции

Татьяна Таран

Журналист и писатель из Владивостока. Окончила фи-

логический факультет Дальневосточного государственного университета, работала журналистом, редактором газеты. Публиковалась в журналах «Юность» (Россия), «Новый Континент» (США), «Метаморфозы» (Беларусь), на международном культурном портале «Эксперимент» (md-eksperiment.org), в альманахе «Власть книги».

Является автором трёх книг художественной прозы. В 2017 и 2018 гг. вышли сборники рассказов «Список мечт» и «Никто не ангел». В 2020 г. в издательстве «Художественная литература» опубликован роман «Дорога на Горностай».

Девятый форт

— Петрович! Ты там на острове картошку посади. Всё одно пропадаешь до осени, хоть с урожаем будешь, — сосед по гаражу приветствовал Егорова по-свойски, как старого знакомого. — А то поехали к нам, в Таёжку, шашлыки пожарим, водки выпьем, отдохнём по-человечески.

Сосед — бывший чиновник, хорошо поживший человек с мясистым лицом в красных прожилках, в растянутой майке и серых, ниже колен шортах, о своей внешности особо не заботился: всё уже в прошлом, чего хорохориться? Петрович, хоть и ровесник ему, выглядел лет на десять моложе. Военная выправка, короткая стрижка, аккуратные подстриженные усы, никаких шорт, а только брюки — в любую погоду. Привычка держать себя в форме действует и на пенсии.

От предложения выпить Петрович отмахнулся:

– Сами там с картошкой справляйтесь. У меня своя вахта, дел полно.

Его путь на старенькой «тойоте» лежал в другую от дачных мест сторону – на остров Русский. Где туманы как молоко, воздух как плащ-дождевик. Под горой – море.

На острове Петрович не первый год следил за старым крепостным сооружением: он сам себя назначил тут старшим. Кому ещё нужен этот заброшенный форт? Для него тут память о службе в дивизии морских десантных сил. А другим случайным посетителям интересно лишь фотографироваться на фоне моря.

В каждый свой приезд Егоров первым делом обходил форт по периметру: восемьсот пятьдесят метров вдоль изогнутого бетонного бруствера, построенного во времена последнего русского царя, и столько же – обратно, с другой стороны.

Началась егоровская «вахта» в 2012-м, когда построили вантовый мост на Русский остров. Петрович тут же опробовал его на малой скорости, стремясь получше рассмотреть стоящие на рейде суда. С высоты моста-громадины они казались муравьями на синей скатерти. Но далеко в лес сначала не поехал – мало ли куда дорога приведёт? Остров большой, повсюду развилки налево-направо, за ними военные посты да шлагбаумы. Потом по картам, по тонким ниточкам грунтовых дорог нашёл безопасный проезд к бывшему месту

службы. Для себя отметил:

– В первый раз иду к причалу с берега, а не с моря...

До этого бывший командир корабля Егоров швартовался к острову только со стороны залива. Но всё меняется в жизни. Иногда к счастью, иногда к сожалению.

Машину оставил на вершине сопки, спустился к берегу по тропинке.

Смотреть там оказалось нечего: размытый причал, заброшенные постройки. Капитан второго ранга в отставке Евгений Петрович Егоров тяжёлым шагом прошёл вдоль бухты и обратно. Вспомнил, как мощно и красиво смотрелись на берегу «кальмары» – белые десантные катера на воздушных подушках, готовые в любую минуту сняться с пирса для выполнения боевой задачи. Как утыкались «носом в грязь» БДК – большие десантные корабли, опускали аппарели, высаживали на берег обученных бойцов.

Ничего этого теперь не было и в помине. Как волной смыло. Петрович недобрым словом вспомнил правителей 90-х годов, разваливших армию и флот. Перестройка и конверсия отправили его БДК сначала на консервацию, потом и вовсе на металлолом. А его самого – на пенсию.

Егоров дал себе слово больше никогда не приходить на место бывшей службы.

Вернулся к машине, но, прежде чем уехать, решил осмотреть невысокие бетонные постройки, еле проступавшие сквозь заросли травы. Обошёл вокруг, заглянул в подземные

ходы. Пройти внутрь без фонаря не решился.

Егоров знал, что по всему Русскому острову раскиданы объекты старой Владивостокской крепости. Из её орудий не было сделано ни одного выстрела: система обороны города не оставляла шанса противникам, да они и не пытались. Но снизу, от причала, крепость выглядела лишь тонкой серой лентой вокруг макушки сопки. А здесь, на местности, сооружение оказалось внушительным.

– Да этот старый форт выглядит гораздо лучше, чем остатки нашего дивизиона! – удивился старый капитан. – Видимо, бетон в царские времена замешивали из других материалов или не воровали со строительства, как сейчас.

Бывалого моряка поразила сила инженерной мысли, так удачно вписавшей мощные огневые рубежи в природные складки местности, и высокое качество строительства, над которым время проносится, не причиняя вреда.

– Хоть что-то остаётся после нас. Корабли сдали на лом, зато крепость построили на века. Но что, разве это кого-то волнует? Вон бутылка разбита, добрались и сюда «любители природы». С постройкой моста начнётся теперь паломничество, замусорят, нарисуют картинки баллончиками, как на пушках в городе. Ничего святого, ни памяти, ни уважения. Поколение пепси, что с него взять...

По дороге домой бывший капитан второго ранга решил, что будет присматривать за укреплением. На всякий случай. На какой – он не знал, но рассуждал так: «А что? Вон на-

чальник аэропорта в Сибири сколько лет косил траву на бетонке, мусор убирал? Никому ничего не надо было, забросили ненужный аэропорт, а он делал своё дело, и пригодилась взлётная полоса! Пассажиры живы, и самолёт цел», – убеждал он сам себя.

С той поры у форта № 9 появился командир.

Бывший капдва (так Петрович называл себя на гражданке, сокращая воинское звание) теперь командовал сухопутным объектом. Поздней осенью обходил вокруг него с тесаком, срубал сухостой вокруг бруствера и казематов. Из метровой пыли мастерил метлу, очищал лестницы и подземные ходы. Выносил на пригорок осыпавшиеся камни, из которых постепенно росла пирамида.

Дорога к старому форту, построенному ещё до революции, была долгой и тряской. После Русского моста асфальт недолго петлял среди сопок, переходя в разбитую лесную колею. Суглинок на ней размывало так, что от края до края поперёк дороги плескались озёра. Так что на летнюю «вахту» Петрович старался приехать сразу на два-три дня, чтобы не колотить рессоры почём зря. Ночевал в машине, откинув задние сиденья в багажник своей «тойоты-пробокс». Можно было бы поставить палатку, не барин, но змеи вокруг. Соорудил себе мангал, ставил чайник на угли, встречал солнце из-за сопки, а провожал его взглядом среди островов, раскиданных по заливу Петра Великого, словно камни в японском саду...

Он представлялся случайным визитёрам как «смотритель форта», а те верили, старались не сильно качать свои права. Задавали вопросы, Петрович как мог отвечал. Нашёл в магазине книжку про строительство крепости, пораскинул, какой форт где находится, определил местоположение «своего», девятого. «Экскурсии» проводил со знанием дела, но денег не брал. Только просил не мусорить и не портить стены вековой постройки.

В дни, когда дежурил на работе или не мог приехать к форту по другим причинам, непрошенные гости оставляли после себя заметные следы. Тогда Егоров молча собирал мусор в большие чёрные пакеты и вывозил с острова. Весной обновлял стрелки с надписью «Выход» в подземных лабиринтах, которые сам же и нарисовал, обойдя все подземелья. На крыше-багажнике завёз горбыль, смастерил из него лестницы для спуска в потерны. Крепостное сооружение оказалось хлопотным хозяйством высотой с двухэтажный дом и глубоким подвалом со множеством коридоров-потерн.

Занимаясь своим «объектом», как про себя Петрович называл форт, между делом посматривал на бухту, где четверть века назад базировался флот. Но больше к берегу не спускался, держал слово.

В лесу, окружавшем крепостное сооружение, ничего интересного. Редкие низкорослые деревья цеплялись за жизнь на высокой сопке. По их дружному наклону в одну сторону легко было определить преобладающее направление ветра.

Грибов мало, клещей много. Ни ягод, ни лиан лимонника. Суровая земля, словно созданная для защиты от неприятеля.

Только однажды лес подарил ему яркое впечатление. Весной на левом фланге форта Петрович услышал тьяканье щенков. Пожал плечами: откуда? Ближайшее жильё – за десять километров. Пошёл на звук, за поваленным деревом увидел играющих щенков. Хотел подойти ещё ближе, рассмотреть, но дорогу преградила лиса. Рыжая, худая, с чёрной точкой на носу и белым кончиком на хвосте. Поначалу Петрович не понял: при чём тут лиса и щенки собаки? Но лиса оскалила зубы, выказывая дурное намерение. Щенки же продолжали клубиться в своей возне, не обращая внимания на человека.

– Да это лисята твои, что ли? – Петрович удивился схожести детёнышей дворовой собаки и лесных обитателей. – Ладно-ладно, ухожу, извини, что потревожил.

Пятясь назад (мало ли, вдруг бросится вдогонку?), Петрович отступил на несколько шагов. Лиса потеряла к нему интерес и скрылась за комлем поваленного дерева. Егоров видел в новостях, что по острову бродят лисы, но сам ещё не встречал.

Через неделю, отстояв смену дежурного по институту, Петрович заехал в супермаркет.

– Вот загадка-то, что им дать-то? Или набрать еды для лисы, а она сама решит, съесть или щенкам своим дать? И ведь ни один продавец не скажет, за дурака сочтут... Кол-

басу возьму варёную, печенье. И сыр, как в басне, – решил проблему Егоров.

У форта покромсал колбасу ножом, высыпал вперемешку с печеньем и сыром в обрезанную пятилитровую бутылку из-под воды и пошёл с едой на левый фланг. Но там уже никто не пищал, не скулил, не играл. Моряк не знал, что после встречи с человеком лиса обязательно поменяет нору – безопасность детёнышей прежде всего.

– Куда теперь это девать? – Петрович пожал плечами, вернулся к форту, поставил еду. – Проголодается, придёт на запах колбасы. А нет, так и ладно, перемешано теперь всё.

Через пару часов вернулся с обходом – пластиковый короб был на месте, а еды в нём не было. С тех пор в каждый свой приезд оставлял гостинцы для лисы. Иногда, заслышав мотор, она выбегала из леса и ожидала Петровича на взгорке, метрах в двадцати от крепости. Свыклась с новым знакомым, к еде подходила без опаски, только гладить себя не давала. Да Петрович и не стремился к этому: животное лесное, наслышан про бешенство. За три летних месяца на хорошей кормёжке рыжая знакомая приобрела благородный вид: шерсть стала пышной, мордочка – гладкой, а хвост распушился так, что по размеру догнал саму лису.

Место кормёжки было у люнета – убежища для пехоты под защитой трёхдюймовых пушек. Люнет был спроектирован грамотно, с переходом в подземную галерею – Петрович рассмотрел замысел проектировщиков на рисунках в кни-

ге. Но стройка прервалась самой историей. Революционные события бушевали не только в Петрограде, но и волнами, с опозданием, докатывались на Дальний Восток, к берегам Тихого океана. То белые придут, то красные. То японцы, то американцы с англичанами...

Так и остался недостроенным девятый форт. Центральная часть вышла массивной, годной к обороне, а боковые постройки для артиллерии остались только в планах. Да вот ещё выемка в скале, словно арка с каменной кладкой, напоминала о замыслах военных инженеров. Петрович запомнил новые для себя термины – контрминная галерея, кофр, бруствер, горжа, потерна...

Пулемётные ячейки и подземные ходы бывший моряк рассматривал так, будто раскрывал для себя военные секреты столетней давности. Он ходил вокруг укрепления, представлял себе живых людей, строивших форт. Как человек военный понимал, для чего нужно было строить оборону. Но время шло, крепость ветшала без присмотра. Вот и в этом люнете обрушилась задняя стенка, запечатав сквозной проход.

В этой нише с ажурным входом из кирпича Петрович оставлял еду для лисы.

Сам занимался привычной работой – покосом. Не скошишь – вырастет жёсткая трава в рост человека, засохнут бодылья к ноябрю, а там и до пожара недалеко. Два года назад туристы или шальные люди пустили пал по сопке, огонь

подобрался к самому форту. Большого вреда качественно-му бетону огонь-низовка причинить не мог. Но сам факт сожжённой вокруг объекта земли Петровичу был не по нутру.

– Бардак на корабле не потерплю! – сказал он сам себе, и с тех пор пять метров от бруствера тоже вошли в зону его ответственности.

Две крупные трещины по фасаду главной галереи заботили зрителя. Четырёхметровые стены были рассчитаны на огонь корабельной артиллерии, но выдержат ли разрушение временем?

– Непорядок, беспорядок, – сокрушался капитан Егоров и замазывал цементом трещины, не давая возможности дождям просочиться вглубь форта.

Отставной офицер был убеждён, что рано или поздно к людям придёт понимание красоты военной фортификации. Сто лет простояла крепость, простоит ещё триста. Если следить за ней, очищать трещины от прорастающей травы, от мелких камней. Да охранять от людей.

С людьми Петрович встречался нечасто. Место дальнее, труднодоступное. Чаше других сюда наведывались диггеры – они сами себя так называли. Молодые люди в шнурованных ботинках, в камуфляже, с рюкзаками за спиной, с палками в руках. Появлялись как из ниоткуда, шныряли по подземным лабиринтам, фотографировали, но вреда крепости не причиняли. Егоров держался с ними сухо, но претензий не предъявлял: да и кто он им?

Худшими гостями были пьяные компании на мощных джипах. Этим высокий подъём на гору давался легко, каменистые осыпи четыре ведущих колеса преодолевали без проблем. Из больших багажников выгружали ящики со спиртным и закуску. С задних сидений выпархивали девицы в шортах или джинсах – смотря по погоде. Если обычный в этой местности туман рассеивался, компания, как правило, усаживалась на бруствере и с восторгом тыкала пальцами по сторонам:

– Ты гляди, а! Красотища-то какая! А вон тот остров как называется?

– Да бес его знает.

– А вон тот, за косой, что под нами, там пирс, что ли?

– Да, может, рыбаки швартовались, а может, вояки, их тут по всему острову в советское время понатыкано было.

– Закат шикарный...

– Девочки, сфотайте меня!

– Давай, наливай ещё, за тех, кто в море...

Петрович в такие моменты шёл в лес, будто за грибами приехал или по другим каким делам – чтобы не вступать в контакт с шумным контингентом. Всё равно к вечеру уедут, может, и бутылки пустые с собой увезут. Что бывало нечасто.

Женщина однажды забрела – вот уж кого не ожидал Петрович здесь увидеть. В одиночку! Бесстрашная, в спортивном костюме, рюкзачок за спиной, кроссовки, кепка с надписью Sochi, с рокады (кольцевой дороги вокруг острова) сама

поднялась на сопку. Оказалось – дама из учёных, исследователь. Рассказала Петровичу, что форт № 9 носит имя князя Рюрика, а заодно и названия других батарей и фортов объяснила. Тоже фотографировала всё на телефон, сказала, что снимки нужны для монографии. Капитан Егоров не был бы офицером, если бы не предложил подвезти до города. И даже визитку её в бардачок положил – может, пригодится. Если заинтересуется ещё кто-нибудь восстановлением крепости – а у него уже и специалист знакомый появился, расскажет, как тут было всё до забвения.

А прошлым летом на форт приехал необычный странник. Высокий, в джинсах и тёмной рубашке, в вырезе которой просматривалась тельняшка. Длинные волосы схвачены шнурком в хвост, узкая бородка аккуратным кантом легла по подбородку. Глаза впавшие, будто не спал несколько ночей. Подошёл к собранной Егоровым пирамиде из камней, перекрестился на восток и долго стоял, о чём-то думая.

– Приветствую, любезный! – обратился к нему Егоров. – Машина у вас хорошая, багажник большой.

Петрович кивнул на стоящий невдалеке пикап «ниссан-датсун».

– Здравствуйте! – церемонно, с небольшим поклоном приветствовал Петровича путник. – Да, по военной дороге только на такой и ездить.

– С чем пожаловали, интересуюсь? – Петрович держал в руках метлу с высоким черенком, выглядел по-хозяйски.

– Место для креста ищу. Решил пройти по нашим русским фортам, обозначить христианское присутствие. Вы здесь часто бываете, работаете дворником? – кивнул незнакомец на орудие труда.

– Я-то? Быва-а-ю, да-а-а, – протянул в ответ Егоров.

Он не знал, как реагировать на слова визитёра. После штормов в Тихом океане Петрович не верил ни в Бога, ни в чёрта.

«С одной стороны – пусть ставит, не жалко. В конце концов, в то время, когда строился форт, все жили под девизом “За веру, царя и Отечество”, так что вроде в тему его замысел. А с другой стороны, зачем крест ставить, кладбище ему тут, что ли?»

– Вижу, сомнение вас одолевает, на лице написано, – длинноволосый путник глянул на Петровича так, словно прочитал его мысли. – Так я расскажу вам. Исстари повелось: на возвышенности у моря, у крутого берега реки ставить крест. На корабле издалека видели, какой веры народ придерживается в этом поселении, какому Богу молится. Как система опознавания на флоте по принципу «свой-чужой». Знаете?

После этих слов, прозвучавших как пароль, бывший моряк перешёл с гостем на «ты»:

– Да какой разговор? Ставь свой крест, кому он мешает? Меня Петровичем зовут. А тебя?

– Зови Диомидом. Как бухту на той стороне залива, – пут-

ник махнул рукой точно в район Владивостока, невидимый с этой стороны острова.

– Да только вряд ли моряки увидят крест: туманы здесь такие, что с одного конца форта другого не видно, – высказал сомнение Петрович.

– *Credendo vides*, – ответил ему Диомид.

– Не понял, что это значит?

– Латинская поговорка. «Уверовав, увидишь».

– А, вон ты куда... Понял. То есть не по-церковному это? – прищурился Петрович.

– Да как сказать... Вот мы с тобой сейчас видим берег моря, а через час туман накроет его. Но мы же знаем, что море там есть? Знаем. И верим в то, что туман уйдёт, бухта откроется и мы снова увидим её. Так?

– Философ ты. Я в таких вопросах тебе не собеседник. Пойду, лестницу подмести надо...

В следующий свой приезд Диомид привёз мешки с цементом, воду, замешал раствор, стал укладывать камни плоской стороной наружу, формируя четырёхгранный постамент. В середине оставил пространство для основания креста.

Когда нижняя часть сооружения была почти готова, Егоров заметил:

– Высокую ты подставку соорудил, сюда трёхметровый крест нужен. Как потащишь на гору? Помочь тебе?

– У тебя своя вахта, капитан, а у меня – своя. Ты за фортом присматриваешь, а я буду за крест в ответе. В следующий

раз привезу, сам дотащу – так надо. Поможешь только ровно установить, со стороны посмотришь.

Когда Диомид водрузил крест в нишу и стал ровнять его по сторонам света, Егоров увидел металлическую чайку, прикреплённую на левой стороне перекладины.

– А птица зачем? – полюбопытствовал Егоров.

– Догадайся сам, Петрович, – улыбнулся человек в тельняшке. – Ты же моряк!

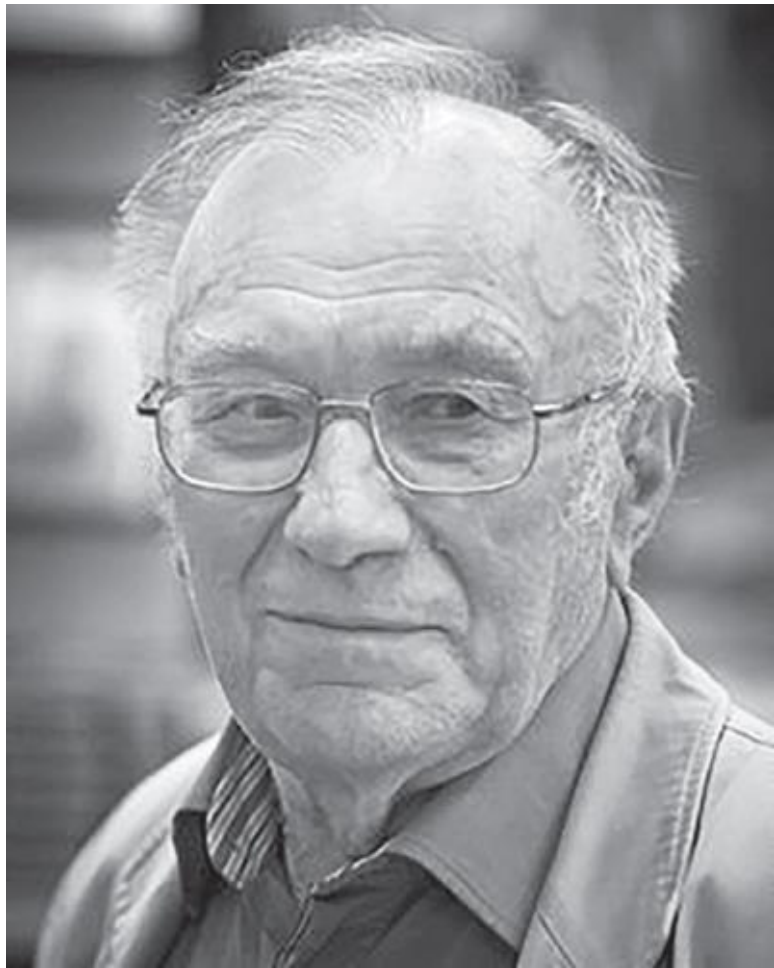
07.12.2020

Литературоведение

Литературоведение

Станислав Куняев

Русский советский поэт, публицист патриотического на-

правления, переводчик, литературный критик. Главный редактор журнала «Наш современник» (с 1989 г.).

Автор десяти биографий в серии «Жизнь замечательных людей», вместе с сыном Сергеем опубликовал в серии книгу о жизни и творчестве Сергея Есенина. Автор около 20 книг стихов, прозы, публицистики, наиболее известные – «Вечная спутница», «Свиток», «Рукопись», «Глубокий день», «Избранное». Автор множества переводов из украинской, грузинской, абхазской (в том числе Мушни Ласурии, Дмитрия Гулиа), киргизской (в том числе Токтогула), бурятской, литовской (в том числе Эдуардаса Межелайтиса) поэзии. Некоторые его произведения переведены на болгарский, чешский и словацкий языки.

Рубцов и Бродский

Метафизическая развилка поэзии 60-х

I

На рубеже 50-60-х годов прошлого века в Ленинграде встретились два молодых поэта, известные всего лишь узкому кругу своих друзей и поклонников. Оба они с разницей в несколько лет написали по стихотворению, каждое из которых постепенно становилось знаменитым и делало «широко известными в узких кругах» своих создателей.

Оба стихотворения быстро обрели в читательском мире самостоятельную жизнь, а за полвека стали символами двух глубоких мировоззрений и очертили два пути, по которым до сих пор шествуют и человеческие толпы, и люди-одиночки.

Имена этих поэтов-провидцев сейчас известны всем – это Иосиф Бродский и Николай Рубцов, сочинившие стихи о пилигримах, бредущих по земным дорогам.

Впрочем, сам образ дороги традиционен для русской поэзии, если вспомнить о том, что «не одна во поле дороженька пролежала», или пушкинские «Дорожные жалобы», или «Выхожу один я на дорогу»... Да и вся русская поэзия пронизана некрасовскими, тютчевскими, блоковскими, есенинскими дорогами... И вообще в русском сознании слово «дорога» означает «судьба». И в стихотворениях Бродского и Рубцова присутствует редкое слово «пилигрим». Я уверен, что, живя в одни и те же годы в Ленинграде, они встречались в узкой ленинградской богеме, где рядом с ними были Евгений Рейн и Глеб Горбовский, Виктор Соснора и Борис Тайгин, Константин Кузьминский и Леонид Агеев, Нина Королёва и Анатолий Найман, Лидия Гладкая и Эдуард Шнейдерман.

Все они дышали одним воздухом, но Рубцов и Бродский дышали им глубже других. И, по мнению Евгения Рейна, опубликовавшего в «Литгазете» (№ 20, 2010) к 70-летию Бродского одну из самых точных и честных статей о его судь-

бе, настоящая слава к поэту пришла сразу после «Пилигримов».

Я помню, как однажды в 1960 году меня навестили муж и жена, составители книги словацкого поэта Ладо Новомеского, принесли подстрочники для перевода, мы засиделись, выпили по рюмке, и слависты под гитару с яростным вдохновением исполняли «Пилигримов» Бродского. Я был поражён мрачной энергией и музыки, и самого стихотворения, которое, как мне показалось, тогда уже стало чуть ли не гимном для небольшой, но пассионарной части «оттепельной» интеллигенции, восхищённой судьбой героев стихотворения.

Впоследствии я понял, что гимна из этого стихотворения не получилось, в основу гимна легло более понятное для либеральных масс рифмованное сочинение Булата Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Пилигримы

*Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов.*

В. Шекспир

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,

мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звёзды встают над ними
и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам,
одобрить её поэтам.

Поистине, в большом познании много скорби. И если вспомнить, что стихотворение написано восемнадцатилетним человеком, то неизбежно придёшь к выводу, что Иосиф Бродский никогда и не был молодым поэтом, он как будто бы и родился или стариком, или вообще существом без возраста.

Пилигримы Бродского из последних сил бредут в неведомую даль, как дети несовершенной и враждебной им цивилизации, созданной их же руками, как вереница искалеченных и обездоленных её детей, вернее, изгоев человеческого гетто. «Увечные», «горбатые», «полуодетые», «голодные», «палимые синим солнцем». Так и хочется спросить: «Сколько их? Куда их гонит?».

Их дорога «в никуда» или неизвестно куда оглашается хриплыми криками то ли древнерусских ворон, то ли древнегреческих гарпий, внушающими странникам, что мир жесток и «лжив», что он «останется прежним, да, останется прежним, ослепительно снежным и сомнительно нежным», то есть несправедливым и немилосердным, что он не изменится так, как им этого бы хотелось. А от сознания этой несправедливости лишь один шаг к отрицанию Бога и человека как его подобия.

«И значит, не будет толка от веры в себя и в Бога»...

А что же остаётся? Брести, подобно зомбированному неведомой волей стаду, к неведомой цели, подчиняясь фату-

му, слепому инстинкту, подобному тому, который гонит рыбы стада на смертельный и неизбежный нерест и полчища крыс, повинующихся дудочке могущественного и лукавого крысолова.

В какое время и по какой земле движутся пилигримы, словно колонна военнопленных, без охраны, сдавшихся врагу добровольно, — это не имеет значения. Словно послушные овцы, бредут они по организованным и расчерченным дорогам цивилизационного, рукотворного ада, созданного, видимо, их же руками. Разве что одна конкретно-историческая примета есть в стихотворении: они бредут «мимо Мекки и Рима», то есть две самые великие мировые религии чужды этим избранным толпам.

Вечные протестанты, потомки Агасфера, закосневшие в своей отверженности и своей гордыне... И Бог их не слышит, и солнце их жжёт, и птицы над их шествием «хрипло кричат» что-то погребальное, и с каждым шагом остаётся всё меньше и меньше от великой иллюзии, которая дала пилигримам толчок много веков тому назад — для начала этого рокового, но безблагодатного шествия.

Вот каким апокалиптическим откровением — апофеозом похода пилигримов была поражена душа молодого Бродского, и этот ожог души остался у него на всю жизнь.

Иллюзия цели. Иллюзия жизни. Иллюзия спасения. Но утрата иллюзий не проходит бесследно. Лучше и точнее всех угадал драму Бродского один из самых близких его дру-

зей Евгений Рейн, проницательно заметив, что «пилигримы» были важнейшей точкой в мировоззренческом становлении поэта. Рейн нащупал все дальнейшие нити, протянувшиеся от этого старта: *«Описываемый им мир – это мир сумеречный, пессимистический, не оставляющий никакой надежды»*; *«Бродский становится мизантропическим и как бы одноцветным поэтом, каким мы его знаем»*; *«Шутки довольно саркастичны и злы, и никакого просвета в этих стихах нет»*; *«Негативный философский взгляд, сопряжённый с гениально отточенной метафорикой»*; *«Видимо, в нём был и момент моральной опустошённости»*; *«Именно это нагромождение изысканных темнот...»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.